

СЕРГЕЙ  
**Зверев**



ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

# **БАСТИОН**



**Война  
в затерянном  
мире**

  
ЭКСМО

Потерянный взвод

Сергей Зверев

# **Война в затерянном мире**

«ЭКСМО»

2012

**Зверев С. И.**

Война в затерянном мире / С. И. Зверев — «Эксмо»,  
2012 — (Потерянный взвод)

ISBN 978-5-699-59052-0

В мае двухтысячного года, обороняясь от наседавших чеченских боевиков, в горной пещере близ Ведено спряталась группа российского капитана Александра Стольников и... пропала. Спустя несколько дней Стольников вышел из пещеры и рассказал своему командованию о том, что его люди оказались в странном, никому не известном месте и, для того чтобы их выволить оттуда, требуется помощь. Однако Стольникову никто не поверил, его посчитали предателем, бросившим подчиненных на произвол судьбы, и взяли под арест. Что же, придется капитану бежать из-под стражи и самому спасать своих людей...

ISBN 978-5-699-59052-0

© Зверев С. И., 2012

© Эксмо, 2012

# Содержание

Предисловие	5
1	7
2	16
3	19
4	26
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# Сергей Зверев

## Война в затерянном мире

### Предисловие

На рассвете девятнадцатого мая одна тысяча восемьсот двадцать третьего года первая рота Черданского полка Кавказского корпуса генерала Ермолова вышла из крепости Грозная по направлению к селению Кайзехи. В районе Ведено она в полном составе исчезла, и поиски ее ни к чему не привели. Свидетелем того, что она вообще существовала, был рядовой Сажин, на марше отставший и не оказавшийся с ротой в момент ее исчезновения. Вернувшись в крепость Грозная, он доложил командованию о случившемся, но его сочли за сумасшедшего и отправили в тыл.

Спустя сто семьдесят семь лет командование оперативной бригады особого назначения, дислоцирующейся в Грозном, получает информацию осведомителя о перемещении в ночное время под Ведено группы подозрительных лиц. Проверить это сообщение приказано командиру отдельного разведывательного взвода с одним отделением. Однако в тот момент, когда вертолет с разведчиками на борту подлетает к Ведено, его сбивают с земли переносным ракетным комплексом «Игла»...

Падая, вертолет разбивается и загорается, но небольшая высота позволяет разведчикам выжить и даже спасти одного члена экипажа – штурмана старшего лейтенанта Пловцова. Преследуемые бандой полевого командира Алхоева, спланировавшего и организовавшего это нападение, отделение спускается по холму, оказывается на равнине и попадает в окружение. Случайное обнаружение странной пещеры позволяет командиру разведвзвода капитану Стольникову принять решение завести людей в катакомбы. Очень скоро он понимает, что коридоров под землей огромное количество и им всем грозит смерть от голода и безумия. После долгих часов поисков группа видит на стене надпись старорусским алфавитом: «БОГЪ ОСТАВИЛЪ НАСЪ», и Стольников понимает, что часы их существования сочтены.

Уже отчаявшись, разведчики выходят к водному тоннелю, ведущему из лабиринта. Все они благополучно выбираются через него на свет, и штурман Пловцов, и сам капитан Стольников начинают замечать неладное: знающие карту этой местности, да и вообще исколесившие всю Чечню – один по земле, другой по воздуху, – они не узнают этих мест.

Полевой командир Алхоев и войсковой разведчик Стольников охотятся друг за другом не первый год. С тех пор как капитан жестоко оскорбил брата Алхоева, контролирующий территорию Ведено бандит поклялся уничтожить русского разведчика лично. В то же время ему самому приходится быть осторожным, поскольку Стольников дал себе похожую клятву. Выбравшись из лабиринта, капитан отдает приказ основной части бойцов находиться у водопада с ранеными, оставшихся он разделил и отправил в разведку местности, одну из групп возглавив лично.

В ходе разведки Стольников убеждается, что территория, где он оказался с бойцами, – не зона эксперимента по выживанию, не параллельный мир, не галлюциногенный бред, а всего лишь неизвестная ученым и федеральным властям часть Чечни. Он выходит на домик, похожий на сторожку, и обнаруживает в ней автомат и обыкновенный навигатор. Позабывшие вещи люди должны вернуться, и Стольников встречает их в засаде. В перестрелке бандиты погибают. Прапорщик Жулин, находившийся в группе поиска, возвращается раненый и со странной вестью – один из бойцов взвода на его глазах похищен людьми, одетыми в холщовые, домо- тканые одежды.

Стольников отдает прапорщику навигатор, приказав донести его до радиста группы, а сам отправляется на поиски неизвестных людей. Вскоре он вынужден вступить в бой, в рукопашной схватке капитана берут в плен, и он оказывается в руках Алхоева. Бандит давно бы убил кровного врага, но ему не позволяет расправиться с разведчиком находящийся в руках Стольникова навигатор. Алхоев почему-то ставит прибор выше кровной мести. После отчаянной схватки Стольникову удается бежать, и он воссоединяется с группой. Преследуемая боевиками Алхоева группа выходит к крепости, похожей на средневековую, и капитан предлагает ее защитникам укрыть их от общего врага. Нехотя неизвестные выполняют просьбу разведчика.

Крепость осаждена людьми полевого командира, а Стольников требует у человека, назвавшегося атаманом, руководителем города, объяснений. Что это за территория? Кто такие люди в крепости? – вот вопросы, которые интересуют разведчиков. Рассказ Трофима, старшего в крепости, позволяет Стольникову и его подчиненным сделать невероятное открытие: люди в крепости – потомки заблудившихся сто семьдесят семь лет назад офицеров и солдат первой роты Черданского полка армии генерала Ермолова. Однако вместе с годами изменились их нравы, традиции и убеждения, и Стольников вместо доброжелательности чувствует к себе и своим подчиненным, близким к жителям города по крови, неприязнь и даже враждебность. Трофима и его приближенных не устраивает присутствие русских воинов в городе. Он боится навлечь на себя гнев Магомеда Кровавого – Алхоева, который, как выясняется, хозяйничает на этой территории уже много лет.

И Стольников принимает решение. Он в одиночку пробивается через кольцо осады крепости и выходит к тому месту, которое является воротами в известную ему Чечню. В одиночку ночью легче двигаться. Он выйдет к своим и вернется вместе с подразделениями бригады. Его информация ценна – помимо новой территории он несет сведения и о странном заводе, предприятии, которое Алхоев организовал вдалеке от города.

Обессиленный, он проходит лабиринт при помощи навигатора и оказывается в руках подразделения федеральных сил в тот момент, когда атаман города Трофим приказывает своим приближенным убить оставшихся в крепости старшего лейтенанта Пловцова и прапорщика Жулина, а бойцов разоружить и пленить. Племени нужна свежая мужская кровь для продления рода...

Ни Стольников, ни оставшиеся в крепости разведчики еще не знают, с какими страшными людьми и с какими страшными событиями им предстоит встретиться. Для Стольникова и его группы война только началась...

# 1

Сидя на кровати, Александр Стольников угрюмо смотрел на стену. Проснувшись затемно, он умылся, аккуратно повесил полотенце на спинку кровати и больше уже не вставал. Солнце стояло в зените. Сегодня его никто не тревожил, хотя в те сутки, что он был доставлен в Ханкалу, кто только не побывал у него в гостях.

Как нашли его, капитан не помнил. Не дойдя до выхода из пещеры несколько метров, он вдруг почувствовал, как отказались слушаться ноги. Переутомление, потрясение и сутки непрерывного напряжения сделали свое дело. Он потерял сознание за несколько шагов до свободы. Он почти ничего не помнил. Лишь обрывки речи, постоянное движение своего тела и шум, похожий на рокот падающей воды. Никакой воды, конечно, не было, это сливались воедино все звуки, раздававшиеся вокруг него.

Александр окончательно пришел в себя в тесной комнате, где, кроме кровати с хрустящим постельным бельем, тумбочки и стула, ничего не было. Он оказался умытым, перевязанным и в таком состоянии, что хоть сейчас засыпай снова.

Он поднялся на локте и увидел перед собой двоих в белых халатах. Люди Алхоева? Но вскоре стало ясно – эти доктора свои, он не в плену. И память вернула его в события сорока-восьмичасовой давности.

– Навигатор? – прохрипел Стольников и вцепился в рукав одного из врачей.

– Ну, слава богу, пришел в себя, – обрадовался доктор. – Хотя укольчик успокаивающего будет в самый раз. – После этих слов второй медик сломал ампулу, чтобы ее содержимым заполнить шприц.

– К черту успокаивающее! – рявкнул Стольников и одним движением спустил ноги с кровати. И снова сквозь фон обычных звуков пробился этот уже, казалось, покинувший его шум. – Мне нужно срочно связаться с Зубовым.

– Он здесь.

– Где здесь? – завокнулся капитан. – А где я?

– В Ханкале.

– Где навигатор?! Со мной был прибор, где он?!

– Про приборы мы ничего не знаем, капитан. Главное, ты живой.

– Зубов! Мне нужен Зубов! – Почувствовав на лбу липкий холодный пот, Стольников упал спиной на подушку. – Срочно доложите Зубову, что я пришел в себя.

– Но укольчик все-таки... – потянулся к нему один из медиков.

Разведчик перехватил его руку и пальцами согнул иглу.

– Не приближайся ко мне, понял? Мне нужен комбриг.

Обиженный доктор бросил шприц в ведро и буркнул:

– С вами, «вованами», одна беда, – распахнув дверь, он крикнул куда-то в коридор: – Сообщите Зубову, что капитан пришел в себя!

Как давно Александр не слышал этого – «вованы». Так в Ханкале, где главными войсками являются штабные крысы и комендантская служба, называют военнослужащих внутренних войск.

Да, это была Ханкала. Теперь он в это поверил. Но почему его не повезли в бригаду, к своим? Лазарет не ахти какой, но и раны у него несерьезные. Почему – Ханкала?

Стольников не мог знать, что нашли его не свои, «вованы»... Через час после того, как он потерял сознание, в пещеру в поисках оружия забрел один из местных жителей. Мирные чехи, не уходящие с отрядами полевых командиров, не прочь, впрочем, заработать на оружии. И нет им разницы, у кого именно – у своих, чехов, или у федералов. Главное, найти схрон. А там видно будет, кому его сдать по выгодной цене.

Наткнувшись на капитана, чеченец сначала снял с его плеча автомат, освободил карманы жилета от магазинов, для чего ему пришлось снять жилет, и только потом догадался, что русский жив. Судорожно вдохнув и шумно выдохнув, Стольников пошевелился на полу пещеры, приведя чеха в состояние оцепенения. До сих пор последнему казалось, что русский мертв. Поразмыслив над тем, что делать дальше, он решил уйти с добычей, а автомат продать кому-нибудь из первой попавшейся банды. Сколько бы то ни было, а пятьсот или тысячу рублей получить можно. Русский, если не сдохнет, во что плохо верится, очнется и не обнаружит автомата. Будет радоваться, что хотя бы живой остался. А автомат уйдет в стан полевого командира. Не федералам же его нести, которые по номеру сразу вычислят владельца.

«А часов и денег у капитана, случайно, нет?..» – подумал чеченец, наклонился ниже, чиркнул спичкой о коробок и разглядел наконец лицо русского. Русоволосый мужчина лет тридцати лежал под ним и дышал тяжело, но ровно.

Чех собрался уже покинуть пещеру с автоматом в руках, подумывая заодно, не навести ли сюда кого-нибудь из боевиков и обеспечить себе еще немного заработка, как вдруг разглядел на правом плече русского татуировку. Летучая мышь распахнула крылья на фоне земного шара.

Войсковая разведка! Много раз чех видел такие тату на руках русских, первыми входящих в селения. Много раз он видел, на что способны эти люди, и одно присутствие их внушало чеченцу страх перед ними.

– Мне этот автомат потом костью в горле застрянет, – пробормотал он, опуская «АКС» на землю и рассовывая магазины из своих карманов по карманам жилета. – Но мал-мал заработать все равно можно...

Он и не заметил даже, что говорит сейчас по-русски, хотя вокруг ни одной живой души не было.

Вскоре он бежал к себе домой, пересчитывая полученные от русских деньги и радуясь, что заработал честно больше, чем заработал бы, вешая на себя статью. А веденские милиционеры поспешно погрузили капитана в серый медицинский «уазик». Через два часа этот «уазик» с завешанными бронежилетами окнами въехал в Ханкалу, и штаба бригады достигла ошеломительная новость: командир разведвзвода капитан Стольников не пленен, не пропал без вести, а жив и находится в госпитале. Успев сообщить только имя, звание и название своей части, Саша снова потерял сознание. Но уже поднималась с аэродрома Северный «вертушка» с начальником штаба бригады, его заместителем, комбатом и двумя контрразведчиками.

Оживший после инъекций, подогреваемый радостью от собственного спасения и скорой встречей с застрявшим в Другой Чечне отделением, Стольников смеялся, с радостью пил горячий сладкий чай и все порывался выйти из палаты. Но его не пускали, и видел Саша в этой заботе о себе и участие, не подозревая о событиях, которые вскоре умирят его эйфорию и заставят снова превратиться в волка.

«Ханкала, – думал он, прихлебывая из кружки и жмурясь от удовольствия. – Чертова Ханкала!» – повторял он, внутренне смеясь.

Он не любил Ханкалу. Здесь существовал военный дурдом в высшем его проявлении. Бессмысленная муштра, не менее бессмысленное чинопочитание, когда старший по званию в районе боевых действий требовал неременной отдачи воинского приветствия, и чтобы строевым шагом – тоже непременно, оборзевшие до одури «комендачи» и им подобные, кто числится на войне, но не умеет зарядить подствольный гранатомет. Все тыловые крысы Российской армии сосредоточились в этом городке, окружив себя несколькими рядами обороны и системой наблюдения.

Ханкала – главная база российских войск в Чечне, здесь расположены Объединенный штаб группировки, госпиталь, военная прокуратура, органы ФСБ, «финики» и другие организации, не участвующие в боевых действиях. Она охраняется в несколько кругов периметрами



из колючей проволоки, сетями блокпостов, минных полей и прочими удобствами, гарантирующими спокойную, не тревожную жизнь на войне.

А Саша знал и другую Ханкалу. С этим населенным пунктом примерно в семи километрах от Грозного, одним из пригородов чеченской столицы, он познакомился в августе девяносто восьмого. Тогда здесь было опасно не только выходить на окраины Ханкалы в одиночку, но и покидать дом, чтобы оправиться. Озверевших чехов выбивали около двух суток, и неизвестно, чем бы еще все закончилось, если бы не шесть танков, поставленных напротив городка в пятистах метрах от околицы. Танкисты били прямой наводкой по всему, что не было разрушено предыдущими выстрелами. И когда Ханкала превратилась в один столб пыли и огня, туда вошел со взводом Стольников. С южной стороны двигался десантный разведвзвод, с северной – мотострелки. Чехов, оглушенных и оттого плохо соображающих, били в упор, продвигаясь все глубже и глубже. Так и дошли до центра селения – до вкопанного в центр площади столба, к которому по законам шариата привязывали и по тем же законам расстреливали учителей, православных священников, милиционеров и просто русских.

С тех пор от самого городка остались несколько дворов, а Ханкала превратилась в лагерь военных федеральных сил. Иногда кто-то вспомнит, что Ханкала это бывший военный аэродром Советской армии, однако другой тут же его поправит и объяснит, что это бывший аэродром ДОСААФа, где дислоцировались учебные самолеты чешского производства. В годы первой чеченской войны по распоряжению Дудаева их пытались переделать в боевые, снабдив пулеметами, но не успели. И с тех пор, как федеральные силы вошли в Ханкалу, она является одним из самых безопасных мест в Чечне. Именно отсюда, с ровных, выбеленных бордюров, с подкрашенных в приятный зеленый цвет деревьев и чисто одетых военнослужащих начинают свои визиты в Грозный все чиновники – от министров до президента. Это единственное место в Чечне, где ни разу не раздавался мало-мальски громкий взрыв, а за плохо почищенные сапоги можно было получить сутки ареста. Саша же помнил времена, когда по Ханкале можно было ходить только в сапогах резиновых. Но с тех пор, когда ноги увязали в грязи и каждый шаг давался с трудом, Ханкала расцвела и превратилась в оазис посреди руин.

До сих пор терактов непосредственно на территории Ханкалы боевикам организовать не удавалось. Да и как это сделать, если для того, чтобы заложить фугас, нужно пройти незамеченным три кольца плотной обороны, оснащенных малозаметными препятствиями вроде «егозы» до минных полей и блокпостов. Однако до конца зимы двухтысячного года Ханкалу изредка обстреливали из минометов, но как-то несмело, стараясь смотать удочки после двух-трех выстрелов, чтобы стоящая под Толстым-Юртом батарея гаубиц «Гвоздика» не вырыла на месте стояния того миномета воронку размером с аэропорт Хитроу.

Каждый раз, когда Стольников приводил колонну из Грозного в Ханкалу, он расслаблялся от войны, но напрягался от существующих здесь, лишенных всякого смысла порядков. Лощеные майоры и подполковники, понятия не имеющие, как ходить по «зеленке» невидимыми, к боевым офицерам относились с пренебрежением и вели себя дерзко. Капитан их понимал. Быть на войне и ни разу не участвовать в бою – это невыносимо сложно для офицера. И все бы они попросились воевать, если бы точно знали, что останутся живы. А осознание факта, что есть и другие офицеры, которые по разным причинам не боятся свиста пуль, отравляло жизнь ханкалинских обывателей и заставляло их быть дерзкими и пренебрежительными. Так складывалось ощущение, что они тоже причастны к войне.

Стольников с нетерпением ждал Зубова. Приедет комбриг, и все уладится. Но приехал не Зубов. В палату госпиталя, где пребывал капитан, вошли начштаба, его заместитель и двое, одного из которых Саша знал. Контрразведчик, а попросту говоря, сотрудник ФСБ Мякишев, был знаком капитану с тех пор, как разведчик предложил ему сыграть в футбол против англичан.

Дело было в начале февраля этого года. Стольников, прапорщик Жулин и сержант Баскаков сидели на броне, пили молоко из пакетов и ели пряники. Из магазина, именуемого «чипком», вернулись бойцы и принесли несколько вещмешков еды, которую ни за какие деньги не достать в бригаде. Сладости, вяленая рыба, лимонад – все было закуплено по списку, и через час нужно было уходить. Должны были вернуться еще двое – Ключников и Маслов, их-то и ждали. За полчаса до описываемых событий их задержал за расхристанный внешний вид прапорщик с вещевого склада и сдал в комендатуру. Стольникову пришлось лично идти разбираться, и поскольку до «чипка» бойцы не дошли, отпустил их, а сам вернулся на броню. И в это время рядом с бэтэром разведки ВВ остановился «УАЗ». Из него выпрыгнул чистенький, в хрустящей форме капитан. Осматриваясь взглядом впервые оказавшегося в Ханкале человека, капитан смахнул с рукавов пыль и довольно зажмурился от солнца.

Жулин толкнул локтем Сашу, и тот понимающе кивнул. Между тем чистый капитан посмотрел вверх и только тогда заметил чумазых, жующих разведчиков без каких-либо знаков различия. И спросил снисходительно и с таким же довольным видом, с каким только что смотрел на солнце:

– Ну, как здесь дела? – и, не давая возможности Жулину отпустить в свой адрес какую-нибудь штучку, ткнул пальцем в сворачивающую к шлагбауму белоснежную «Ниву» с огромными синими буквами на дверях «МЮ» и озадачил первых встречных еще раз. – А это кто такие?

Вопросы были глуповатыми, и Стольников, поставив на башню пакет с молоком, вытер губы и сказал:

– Это, товарищ капитан, манкунианцы к нам приехали.

– Какие манкунианцы?

– Ну, клуб сэра Алекса Фергюссона. «Манчестер Юнайтед». Они над Ханкалой шефскую помощь взяли, сегодня игра. Вы умеете?

– Ну разумеется, – осветился радостной улыбкой капитан. – Серьезно, что ли?

Стольников тут же выдернул из кармана жилета блокнот с карандашом.

– Нападающим будете. Крайним левым. Как фамилия?

– Капитан Мякишев, – ответил офицер и помялся. – Да ну, херня какая-то...

– Еще какая херня, – отозвался Александр. – Через полчаса на поле, а сука-прапор с вещевого склада мячи зажал, говорит, у англичан свои должны быть. Попытался попросить – бесполезно. Я – кто такой? – сержант из Грозного... А вы – капитан как-никак.

К бэтэру приближались Ключ и Масло. Капитан пообещал решить вопрос и выяснил, где находится жаба-прапорщик.

Он нашел его, начальника вещевого склада, на складе, конечно.

– Товарищ прапорщик, что за ерунда?

– А что такое, товарищ капитан? Вы кто?

– ФСБ, Мякишев. Почему мячи не выдаете?

– Мечи? Мечи – это такие сабли железные?

– Нет, мячи – это такие надутые кругляши, ими в футбол играют.

– В футбол? – повторил, как заколдованный, прапорщик, ожидая от фээсбэшника всякого.

– Люди приехали, миллионеры. Поиграть, развлечь. У вас здесь много развлечений?

– Да не так уж... А что за миллионеры? В принципе я могу найти мяч.

– Десять минут, прапорщик. И не один, облезлый, а нормальных мячей штук пять.

– А вы у нас служить будете?

– Ну разумеется. На кой черт я бы тогда к вам приезжал? Так, еще: где форма?

– А вашу вещевую ведомость можно?

– Пожалуйста. – Мякишев вынул из кармана бланк и подал прапорщику. – Бутсы всех размеров есть?

– Бутсы?

– А мы с англичанами что, в берцах играть будем?

– Вы знаете, товарищ капитан, – измученный дурацкими вопросами и просьбами прапорщик сдался. – Вы насчет бутсов – к зампотылу, пожалуйста. Прикажет выдать вам бутсы, я выдам.

О чем говорил капитан ФСБ Мякишев с заместителем по тылу, неизвестно, говорят лишь, вышел он с малиновым лицом, и, когда дверь закрывал, последнее из кабинета, что слышали офицеры в приемной, было: «...ать твою!» Но это было после, а в тот момент прапорщик миролюбиво поинтересовался:

– А что за сержант-то вас насчет мячей сориентировал? – Он выбрасывал на стойку для капитана ФСБ куртку, брюки и остальное, сверяясь с ведомостью.

Мякишев объяснил.

– А-а, Сто-ольников... – понимающе протянул начсклада. – То не сержант, то капитан! И эта сволочь на все способна.

Так познакомились капитан ФСБ и капитан-разведчик. И вот сейчас Мякишев, его начальник, начштаба бригады и его заместитель вошли в палату и встали вдоль стены, потому как стоять в палате больше было негде.

– Саша, – заговорил начштаба полковник Удальцов. – Где отделение? Что с тобой случилось? Ты знаешь, где Пушкин?

– Знаю.

Коллега Мякишева отстранил начальника штаба и вышел вперед.

– Подождите, полковник. Капитан Стольников до сих пор в шоке, ему нужно отдохнуть. Здесь, в больнице, он чувствует себя неуютно. Его нужно доставить к нам. Нормальная комната, нормальная обстановка – это лучше, чем вид из окна больничной палаты, знаете ли.

Удальцов не возражал. Предложение ему понравилось. Оно не понравилось Стольникову.

– Какой уют, какая обстановка? – Саша занервничал. – Юрий Николаевич, нужно спасти группу!

– Группа жива? – не веря ушам, воскликнул Удальцов.

– Жива! Но у нас считанные часы! Когда меня доставили, со мной был прибор. Где он?

– Какой прибор? – контрразведчик мгновенно поднял голову и посмотрел на начальника штаба.

– Кто это? – спросил Стольников у начальника штаба.

– ФСБ. Костычев.

– Этот прибор называется навигатор. От него зависит жизнь моих людей там.

– Где там?

– Долго объяснять. Мне нужен прибор, люди и «вертушка».

Костычев поднял на него взгляд.

– Я не слышал ни о каком навигаторе, – заявил он и посмотрел на Мякишева.

– Навигатор, – объяснил им Удальцов, махнув рукой. – С ним сейчас мой зам занимается.

– Ваш зам?!

– Да, – подтвердил Есников, заместитель Удальцова. – Прибор у меня. Пока ничего интересного.

– Почему прибором занимается управление вашей части, а не федеральная служба безопасности? – вмешался Мякишев.

– Я не понял, где этот прибор? – лицо Костычева приобрело стальной оттенок. – Командир разведвзвода выходит из окружения, с ним какое-то нештатное оборудование, никто не знает, как оно у него оказалось, а мне никто не докладывает?

– Пока докладывать нечего, – заверил его Есников. – Обыкновенный навигатор.

– Где прибор? – повторил Мякишев. – Этот навигатор – где он?

– В бригаде. Я велел доставить его первой же «вертушкой».

– Обыкновенный навигатор вы приказали доставить из Ханкалы в бригаду, подняв с аэродрома вертолет?! Прибор, в котором ничего интересного?

Стольников щелкнул пальцами, и разговор прекратился.

– Вы о чем сейчас говорите? Я здесь. Я еще живой, если кто не заметил! Десять человек ждут меня! Быть может, вы позволите мне спасти их жизни?

– Где же эти десять человек, капитан? – спросил Удальцов. – Где вы находились почти двое суток?

Стольников рассказал. Все время, что он говорил, дважды вытягивал из лежащей на столе пачки Удальцова сигареты. Изредка поднимал взгляд, чтобы посмотреть, какое впечатление производит на окруживших его людей рассказ. Но ничего, кроме ледяного спокойствия, не чувствовал. Один лишь Мякишев улыбался едва заметной, живой улыбкой. Он бы не улыбался, конечно, но не мог сдержаться. Саша видел, что реакция контрразведчика на его слова искренняя.

– Мне нужен навигатор и второе отделение моего взвода, – упрямо глядя под ноги, закончил капитан. – И я верну людей. И принесу информацию, которая дорогого стоит.

– Вы понимаете, капитан, что здесь воинская часть, а не игра в салочки? Мы на войне, и вам лучше начать говорить.

Стольников поднял на Костычева тяжелый взгляд и вычленил из его речи главное.

– Я понимаю. А вы понимаете?

– Тогда извольте отвечать, – контрразведчик тоже умел вычленять неглавное из услышанного. – Где отделение, которое вы вывели из боя под Ведено?

– Вывел из боя?.. – поморщился Стольников. – Я вывел его не из боя, а из окружения.

– Как же тогда понять, что вы до сих пор живы, а подчиненных вам людей в живых нет?

– Но я же объясняю! – зловещим шепотом, изумляясь, выдавил Саша. – Они живы! Погибли только Тарасенко и двое членов экипажа!

Костычев ударил ногой по кровати, на которой сидел разведчик.

– Ты другим идиотам расскажи эту историю!

– Для других идиотов у меня другие истории! – отозвался Стольников, еще не чувствуя нависшей над ним беды. – А тебе и этой хватит!

Мякишев сделал шаг вперед и придержал Удальцова, попытавшегося погасить напряжение:

– Вам не кажется, что капитану Стольникову необходима медицинская помощь?

– Не можете мне простить той «Нивы» Министерства юстиции? – оживился Саша.

– Какой «Нивы»? – тут же вмешался Костычев.

Саша подумал.

– Я буду разговаривать с комбригом. Сейчас. Больше ни с кем.

– Капитан Стольников, вы переутомились или от рук отбились? – удивился Удальцов. – Я здесь! Я пока живой! Ваш командир, начальник штаба!

– Пришлите к нему врачей, – подумав, вдруг приказал Костычев.

– Вы что, не понимаете? Меня ждут! – вскричал Стольников.

– Где? – спросил Костычев и, опершись на спинку кровати, завис над ним.

– Там, – выдержав паузу, ответил Саша.

– Где там?

– В Другой Чечне.

Костычев выпрямился и посмотрел на Удальцова.

– Я доложу о случившемся в свое управление в Москву. Поэтому вам лучше взять капитана Стольников под охрану и прислать к нему врачей.

Саша понял – ошибся. Он имел возможность сказать: «Я оставил бойцов под землей, в катакомбах. И только я смогу их вывести». Но проникшийся обстановкой в «той Чечне» он выпал из Чечни «этой». Все, что теперь уже не казалось ему ирреальным, все, что воспринимал он теперь как явь, для этих людей выглядело бредом сумасшедшего. Эти люди не готовы его слушать.

Еще минуту назад он хотел рассказать о своем разговоре с Пушковым. О том, что в штабе бригады живет предатель, и предателю этому известно все о планах федеральных сил. Что именно этот человек предал Стольников, как предавал его, видимо, много раз, выводя Алхоева из окружения, что это он повинен в смерти Пушкова. Но произносить вслух такие слова после случившегося было не просто бессмысленно, это было опасно. Выручить Сашу мог только начальник разведки бригады Пушков. Но капитан своими глазами видел его труп.

И все, что теперь было: десять человек в Другой Чечне, сумасшедший Стольников здесь, в палате ханкалинского госпиталя, и ФСБ, пытающееся разгадать загадку пропавшего вертолета, летчиков и разведывательного отделения.

Когда офицеры вышли, Стольников позволил появившимся врачам уложить себя на кровать и сделать инъекцию. В дверях при этом стояли двое солдат комендантской роты. Они ничего не понимали ни в жизни, ни в смерти, но выкручивали руки за спину умело и быстро. Да и что Саша мог сделать сейчас, именно сейчас? Вырубить докторов, комендачей и выбежать на улицу? Здесь не «зеленка», а штаб группировки войск. И бежать ему тогда метров сто, не больше. И тогда точно – карцер.

Он чувствовал, как по телу начинает разливаться, грея ноги, тепло. Ему захотелось спать, и он перестал бороться с усталостью. Нужно снять напряжение вокруг этой палаты. И, черт возьми, просто отдохнуть. Только бы продержались Жулин с Пловцовым.

«Они что-нибудь придумают, – размышлял, засыпая не по своей воле, Стольников. – Обязательно придумают. А навигатор, значит, у Есникова... В бригаде... быстро работает... Быстро работает Алхоев».

\* \* \*

В госпитале было прохладно, пахло чистыми простынями и йодом. Этот букет запахов Удальцов слышал много раз. Еще в Афганистане. Там он получил первое ранение.

Едва он, Есников, Костычев и Мякишев оказались на крыльце госпиталя, солнце осветило их лица, заставив зажмуриться.

Солдат с красной повязкой на руке мел дорожку перед госпиталем. Чуть поодаль в курилке сидели двое коротко стриженных «срочников» в больничных пижамах и курили в рукав.

– Сейчас я пошлю в бригаду машину, – произнес Костычев, подняв взгляд на Удальцова. – Передайте моему человеку прибор, который принес Стольников.

– Вам не кажется, что капитана стоит выслушать где-нибудь в спокойном месте? – спросил начальник штаба. – Почему вы не хотите придавать его словам значение?

– А вы верите тому, что он говорит? – вмешался Мякишев.

– Бросьте, полковник! – насмешливо и жестко поддержал Мякишева Костычев. – Им сейчас займутся наши люди.

– «Займутся» – это что такое? Это как выглядит?

– Как бы ни выглядело, я узнаю, где разведчики и штурман. На месте крушения вертолета обнаружены тела только двоих летунов. И Стольников нам расскажет о том, что произошло... Знаете что, полковник... Мы все вместе полетим в бригаду.

– Я буду только рад этому, – согласился Удальцов. – Но почему не прихватить с собой и Стольников?

– Послушайте, полковник, вы что, ребенок?

– Умерьте свой пыл, Костычев! – попросил начальник штаба. – Я на войне с восемьдесят второго года. Поэтому хорошо разбираюсь, где друг, а где враг!

– Наш главный враг – вот здесь! – контрразведчик постучал себя по лбу. – Годы войны с одними и теми же людьми приучают к мысли, что это друг! А на самом деле из вашего котелка ест хорошо прикрытый враг! Он не предатель, нет, он – враг!

– И Стольников – тот самый?

– Я абсолютно уверен в этом! Неужели вы не видите, с каким остервенением он пытается увести в руки боевиков еще одну группу людей?! На данный момент его разведывательный батальон – единственное боеспособное разведывательное подразделение бригады! Бригада только обустроивается, часть войск занята строительством, и если бригада лишится разведки, то она останется слепой!

– Так, значит, вы все-таки согласны с тем, что Стольников – хороший разведчик, единственный, наверное, кто протирает глаза бригаде? – едко улыбаясь, поинтересовался Удальцов.

Он не хотел перечить контрразведке, споры с этой организацией к добру никогда не приводили. Как не приводили к добру двадцать лет назад споры с политработниками и особистами. Но отдавать контрразведке Стольникова, которому верил и которого любил, Удальцов не собирался. Рассказ капитана немного разбавил его чувства сомнениями, однако начальник штаба относил это на счет потрясений, выпавших на долю капитана. Но Удальцов не представлял, что готовил разведчику Костычев...

– Послушайте, полковник, – раздраженно заговорил контрразведчик, направляясь к взлетной полосе. – Я расскажу вам другую историю. Вы в Серноводске когда-нибудь бывали?

– Разумеется. Я в Чечне с весны девяносто пятого.

Костычев улыбнулся.

– С тринадцатого марта девяносто пятого.

Несмотря на отсутствие опасности, по спине Удальцова пробежал холодок. Контрразведчик мог бы пропустить слова начальника штаба бригады мимо ушей, но вместо этого мимоходом заметил, что ему известно об Удальцове если не все, то почти все. А просто так с уст сотрудников ФСБ слова не слетают – так что же это было, если не угроза?..

– Так вот в Серноводске еще с брежневской поры процветал санаторий. С перестройкой все похерилось. Сейчас он вообще разрушен, но еще несколько лет назад там можно было сносно отдохнуть. И вот от сотрудника местной милиции поступает информация, что в этот санаторий спустилась с гор группа боевиков численностью до двадцати человек. Отъедаются, зализывают раны, пьют целебную воду... Я пока понятно рассказываю?

– Пока да, – ответил Удальцов.

– И вот этот сотрудник, капитан милиции, рассказал командиру части, что там приютились боевики. Рассказал, из какой банды. Говорит – самого Умарова там видели... Командир части от такого подарка чуть не открыл шампанское. Он тут же вызывает командира роты специального назначения и приказывает еще до рассвета высадить на территории санатория десант и накрыть бандитов. И вот сажусь я с одним пилотом в «вертушку» и, маскируясь под обычный грузовой транспорт, лечу из Грозного в Моздок мимо Серноводска. Площадку для высадки спецназа мастерить было некогда, поэтому просто посмотрели, что там и как там, под санаторием... А лететь туда должны были десять «Ми-8» и шесть «крокодилов»...

– Нам не пора подняться в воздух? – поинтересовался Есников, глядя на вертолет, стоящий в сотне метров от края посадочной полосы.

– Ничего страшного, если я договорю, – успокоил его контрразведчик. – В «вертушке» слова не услышишь. И вот: всю ночь перед высадкой я нервничал, как малолеток. Знаете,

Удальцов... у вас, наверное, было такое в Афгане, когда вокруг все хорошо, а ты места себе не находишь?

Начальник штаба предпочел не отвечать. Он думал о Стольникове.

– И стал я размышлять, что же мне не нравится в этом задании. И понял: место высадки. Сесть можно было только в одном месте, и вокруг него была тьма мелких построек и фонтанов с минералкой. И вот спецназ уже в «вертушках», нурсами «крокодилы» заряжены, мы с командиром все согласовали. Все! Летуны двигатели запускают! И вдруг бежит ко мне один из наших и машет рукой. Я все понял, докладываю командиру части о выполнении боевой операции.

– Выполнили, не взлетев? – заметил Есников.

– Совершенно верно. Пока мы тут заряжались, наши коллеги в Серноводске того милиционера в оборот взяли. И раскололи. Этот гад за пятьдесят штук баксов скинул в штаб дезу. В санатории банда не отдыхала, а готовилась к встрече с нами. На той единственной площадке, где располагались источники и где мы должны были сесть, они пристреляли каждый сантиметр площади. Когда их другая группа накрыла, вокруг площадки было столько огнеметов и гранатометов, что стало понятно: от нашей группы остался бы только пепел. Вот так вот, Удальцов. А вы – Стольников, друг... Мы будем в Грозном, в вашей палатке, когда мне доложат о том, что с ним можно разговаривать уже не о мифах Древней Греции, а о деле. Полетели.

Удальцов сплюнул под ноги, хищно прищурился и направился за контрразведчиком. Он знал, как ФСБ готовит интересных им людей к беседам. Ни о какой дальнейшей службе Стольникова, даже если он окажется не предателем, говорить потом уже не придется. Такие люди потом кормят голубей хлебным мякишем и на лавочках в парке вытирают слюни.

## 2

На стенах помещения, отведенного отделению для сна, горело только два факела у самого входа. Остальные, войдя и надев на них жестяные колпаки, погасил один из людей Трофима. А у входа – Ключников заметил – остались еще двое. Боец видел только их спины, но по манере сидеть легко угадывал оружие в их руках. Их сторожили. Каждое движение, навверное.

Ключников выждал ровно минуту после ухода Ольги. И когда шестидесятая секунда истекла, расстегнул жилет и выпростал из него руки. Бесшумно снял автомат с предохранителя и положил слева от себя. А потом так же тихо, ничем не выдавая своего маневра, в несколько оборотов подкатился к Жулину...

Пловцов, настроение в городе которому не нравилось, не спал. Он хотел сомкнуть веки и забыться, но помимо тревоги мешала боль в спине от удара после падения «вертушки». Поэтому странное перемещение Ключникова в полумраке помещения, размерами не уступавшем спортзалу, он тут же заметил. Штурман видел, как Ключников положил ладонь на рот прапорщика и приложил палец к своим губам.

«Интересные события здесь происходят, – думал старший лейтенант, лежа наблюдая за этими двоими. – Сначала девочка появилась, теперь Ключников покой потерял...»

И вдруг Жулин поднял голову, нашел Пловцова взглядом и поманил к себе.

Подняв пулемет, штурман осторожно поднялся и подошел. Рука Ключникова тут же прижала его к полу.

– Нас сейчас будут резать... – скорее угадал, чем услышал, вертолетчик из уст прапорщика.

А Ключ шелкнул пальцами – и Пловцов увидел, как из крепко зажатого его кулака, поднятого над головой, отделился большой палец. Боец словно хвалил отделение за то, что оно спит. Но после этого жеста сон со всех сдуло, будто ветром пыльцу с цветка. Штурман видел, как бойцы, не перекинувшись и словом, подтянули к себе оружие, развернулись и расползлись в стороны. Несмотря на то что некоторые из них оставались в широкой полосе света, штурман готов был поклясться – они развернулись таким образом, чтобы любой вошедший испытал затруднения с выбором цели.

– Что происходит? – спросил он Жулина.

– Тебя и меня хотят убить. Группу разоружат.

– И что дальше?

– Тебе не все равно после моей первой фразы?

– Девчонка сказала? – подумав, уточнил Пловцов.

– Да.

– Ты ей веришь?

– Если бы она пришла и сказала: «Спите спокойно», – я бы не поверил.

В полосе света коридора показалась тень и остановилась. Через мгновение к ней присоединилась еще одна. Сидящий у входа человек куда-то исчез, никто и не заметил когда.

Пловцов бросил взгляд на бойцов. Они спали. «Не может быть! – почти вскричал он. – Им же сказали – быть наготове!»

Казалось, разведчики сосредоточились только на мгновение, чтобы выполнить команду и тут же о ней забыть. Кто-то лежал, закинув руки за голову, кто-то вообще повернулся спиной к входу. «Нам конец», – пронеслось в голове штурмана.

Люди Трофима ворвались в помещение с шумом, но без единого слова. Каждый из них знал, как будет действовать. Видимо, то время, что атаман и его приближенные отсутствовали, они использовали для обсуждения деталей. И теперь этот план претворялся в жизнь и ничего оригинального не содержал. Это было групповое нападение.



Но едва первый десяток вооруженных горожан ворвался в комнату, в воздухе раздался короткий пересвист. На мгновение появившись на свету, ножи для метания впились в нескольких нападавших. Пловцов, вскакивая на ноги, почувствовал резкий запах крови и запах нечистот. Контратака разведчиков оказалась для напавших людей куда более неожиданное их собственной атаки на людей Стольников.

«Почему так резко пахнет кровью?» – вертелось в голове Пловцова, когда он, размахивая пулеметом, как кувалдой, валил с ног одного за другим нападавших на него врагов. И только когда губы его стали влажными, он наконец понял: чья-то густая, горячая кровь залила его лицо...

Последними в помещение вбежали люди с факелами. По стенам метались тени, сливаясь в одно сплошное пятно. Пахло гарью, едким потом и почему-то краской. Пловцов помнил с детства этот запах – стоит только наклониться над сырыми разноцветными пятнами акварели в палитре...

Первым выстрелил Жулин. Девушка не солгала: если на бойцов безоружные горожане наваливались скопом, стараясь подмять под себя, то прапорщику и старшему лейтенанту пришлось иметь дело с вооруженными ножами мужчинами. Трофим совершил ошибку. Понадеявшись на неожиданность, он вооружил часть своих людей только ножами. Если бы не Ольга, штурман и Жулин уже давно были бы мертвы, но теперь, когда людей Трофима ждали, ножи горожан оказались бесполезны.

Подняв автомат, Жулин от бедра выстрелил одиночным. Пуля прошила плечо горожанина, и в этот момент прапорщик узнал его – это он стоял в первом ряду наблюдавших за дракой Ключникова с Николаем.

Этот выстрел ускорил финал схватки. Оказавшись зажатым в углу и опасаясь задеть кого-то из своих, сержант Баскаков долго не решался нажать на спусковой крючок. Лишь когда стало ясно, что через мгновение на него навалятся четверо или пятеро, он вскинул «АКС» и веером разрядил магазин. Еще не смолк его автомат, как заработали «АКСы» остальных. Разведчики стреляли не наугад, а в упор, не боясь промаха. Короткие, стремительные штрихи трассирующих пуль придавали общей картине еще более мистический характер. Если бы не удушливые клубы сгоревшего пороха и хлещущая на стены кровь, картина напоминала бы дискотеку в ночном клубе.

Перезаряжать оружие было некогда. Люди Трофима прибывали в помещение толпами, и Пловцов понял – это будет длиться до тех пор, пока он и прапорщик не окажутся мертвыми, а бойцы связанными. «Что сейчас придумал бы Стольников, что?!» – подумал он, поднимая пулемет.

– За мной!.. – заорал он, испугав самого себя. – В атаку!..

И нажал на спусковой крючок, стараясь удерживать пулемет в направлении врагов так, чтобы он был одновременно направлен и в сторону входа.

Грохот оглушил всех, кто участвовал в схватке. Пули ротного пулемета пробивали людей Трофима и вязли в других. Одного из них, приблизившегося слишком близко, штурман, на мгновение прекратив стрелять, ударил ногой. Где-то в углу клацнули затворы. Кто-то из разведчиков успел перезарядить автоматы. Держа пулемет на ремне и нажимая на спуск, чтобы отсекались по три патрона, Пловцов дико закричал и бросился к входу.

Уже слышались свист и крики за его спиной. Ножи сверкали в свете факелов, и в лицо штурмана, словно из детского водяного пистолета, ударяли струи крови. Бой шел на каждом квадратном метре площади. Зарывав, как зверь, Пловцов нажал на спуск и пошел вперед. Пламя лучами выбивалось из дульного среза, и в его свете штурман видел, как перед ним словно подкошенные валятся с ног люди Трофима. Пули разрывали их плоть, клочки окровавленной одежды, сгустки, брызги – он видел все это, упрямо шагая вперед и уже не рыча, а крича на последнем вздохе.

Его вопль активизировал бойцов до предела. Закричав, разведчики бросились в последнюю атаку. Три или четыре автомата стреляли в нападавших в упор. И через мгновение в комнате стало нечем дышать. Пороховая гарь, как выхлопные газы в гараже, выталкивала всех желающих выжить наружу...

В дверях, круша препятствия на пути, разведчики добивали раненых прикладами, ножами или просто руками... Остатки гвардии Трофима бросились вон. На полу «спортзала» остались лежать около двух десятков трупов и не менее трех десятков агонизирующих и молящих о помощи людей.

Вырвавшись наружу и почувствовав свежий воздух, Жулин быстро оценил обстановку. Наступала минута, когда нужно было полностью завладеть инициативой. Только захват Трофима, Николая и преданных им людей мог означать победу. Остановись бойцы сейчас – и следующее нападение произойдет уже через час. Людей у Трофима хватит, и он их, кажется, не жалеет.

В любом другом случае Жулин употребил бы выражение «правительственное здание». Но смешно и забавно, несмотря на пропитанную кровью одежду, произносить здесь эти слова вслух. Но смысл был тот же – почта, телеграф, банк... В городе не было ни почты, ни телеграфа, ни банка, но были места, что-то вроде греческой агоры и чертог властелина. Их-то и следовало захватить в первую очередь, пока есть силы, пока поступательное движение атаки не вызывало желания окопаться...

– Сергей! – прокричал прапорщик Пловцову. – Возьми Баскакова, Татарина и Крика! Нужно выяснить, где эти сволочи прячут Маслова!..

Сам прапорщик с Лоскутовым, Ермоловичем, Мамаевым и Ключниковым решил атаковать укрытие Трофима. Но прежде необходимо было найти раненого разведчика.

Разойдясь у самого выхода из «спортзала», напоминающего теперь братскую могилу, две группы направились в противоположных направлениях. И теперь место их нахождения можно было определить только по автоматным очередям. Где-то ухнула граната. И снова – выстрелы...

Из-за угла дома появился Трофим. Он быстро пересек улочку и замер перед входом в «спортзал». Потом наконец заглянул внутрь и, оценив масштаб случившегося, пошатнулся и стал растирать лицо руками. Когда же спокойствие вернулось к атаману, он зловеще улыбнулся и развернулся.

– Добро пожаловать в ад...

### 3

Через час после инъекции в палату Стольников зашли двое. Они были в белых халатах, аккуратная стрижка выдавала в них военных врачей, медики поздоровались и разместились напротив. Тот, что постарше, сел на стул у тумбочки, тот, что помоложе, принес с собой табурет. Стараясь не выдать напряжения, которое не покинуло его после короткого сна, Саша бросил взгляд на часы, спустил ноги с кровати и вяло окинул гостей взглядом. Чисто выбритые, ногти – ухоженные. Было вообще не похоже, чтобы они имели какое-то отношение к оружию и правилам его использования. Хирургов и военврачей, выковыривающих из тел пули, он видел не раз – то есть это врачи, но не хирурги. Стольникову хватило одного взгляда, чтобы понять: за тот час, что он спал, откуда-то издалека прибыли по его душу мозгоправы. Откуда? Из Моздока? Вряд ли. Скорее, из Владикавказа. Чем дальше от Грозного, тем меньше хирургов и больше психологов. Самое большое количество психологов в Москве.

– Как вы себя чувствуете?

– Кто вы и что вам от меня нужно? – Стольников решил сразу дать понять, что играть он по их правилам согласен, но считаться с ним следует.

– Мы врачи. Вы много пережили, поэтому сейчас пытаемся понять, способны ли вы дальше выполнять свои обязанности.

– Откуда вы знаете, что я пережил?

Ситуация складывалась таким образом, что больной начинал задавать вопросы врачам. Это было явно против правил. Перекинувшись двумя фразами, Стольников успокоился: если хочешь дать понять психу в белом халате, что ты здоров, будь немного психом тоже. Это сближает.

– Послушайте, – тихо проговорил пожилой доктор, – мы на вашей стороне. Мы работаем от имени ФСБ, да. Вам следовало вести себя с этими людьми более уравновешенно. Но нас больше интересует не цель, с которой мы сюда доставлены, а ваш рассказ.

Капитан дотянулся до тумбочки, взял стакан и сделал несколько глотков воды. Самый лучший способ убедить людей в твоём спокойствии – это сделать несколько ровных глотков. Кто часто смотрит через экран телевизора на трибуны, тот знает. Стольников телевизор смотрел редко, но природа его существа сама подсказывала правильные решения.

– Двадцать восемь лет назад здесь появился человек, который утверждал, что он из Другой Чечни.

«Только не смотреть сейчас в их сторону, – решил Саша. – Пусть рассказывает дальше».

– Этот человек, – продолжал говорить молодой врач, – вскоре умер. Он не смог пережить увиденного. Его приводил в трепет даже лосьон для бритья. Но его рассказ удивительным образом был похож на ваш. С той лишь разницей, что вы пришли оттуда, будучи человеком этого мира, он же оказался здесь новичком.

Пожилой положил коллеге руку на колено.

– Александр Евгеньевич, прежде чем начать говорить с вами на эту тему, нужно соблюсти неприятную процедуру. Нам нужно убедиться, что вы адекватны. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Это первый вопрос теста?

– Все верно, мы зададим вам еще несколько вопросов, – проговорил молодой и распахнул принесенную с собой папку. – Сколько людей проживает на планете Земля в данный момент?

– Шесть с половиной миллиардов.

– Хорошо. Продолжите, пожалуйста, эти строки: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...»

– Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты. Вижу, срезать меня на экзамене у вас нет желания?

– Как связаны Архимед и ванна?

– Он там дрочил?

– Александр Евгеньевич, вы что, не понимаете, что от ваших ответов зависит наш отчет для ФСБ?

– А вы не понимаете, что меня ждут десять моих людей? Еще живых – вы меня понимаете?

– Понимаем, – согласился пожилой и поправил на носу очки. – И все-таки как связаны Архимед и ванна?

– Долбаный Архимед лег в долбаную ванну и понял, что вытеснил такой объем долбаной воды, какой объем занимало его долбаное тело! Дальше!

– Вы испытывали когда-нибудь страх?

– Я его всегда испытываю.

– Но вы можете вспомнить, когда страх едва не прикончил вас? – вмешался молодой.

– Пожалуй.

– Только... – пожилой снова поправил очки. – Я прошу вас – спокойно. Мы делаем свою работу. Помогите нам. Хорошо?

– Хорошо.

– В тот день, в феврале девяносто пятого, была отвратительная погода. Двадцать второго февраля, как раз перед праздником, шел сначала дождь, потом повалил снег. К вечеру у меня зуб на зуб не попадал, бойцы замерзли не меньше моего. Как ночь провели – не помню. Или вспоминать не хочется – так вернее будет... С собой были спальные мешки, и к утру они все стали насквозь промокшие...

Саша выдвинул ящик, вытащил пачку сигарет, оставшуюся после визита Удальцова, закурил.

...Солнце поднялось из-за гор, и впервые за ночь старший лейтенант Стольников улыбнулся. Боевое охранение стояло всю ночь, но он все равно не сомкнул глаз, то и дело поднимался, чтобы проверить посты. Курил сигарету за сигаретой, хотя всего неделю назад бросил курить. А перед этим выходом не удержался, засмолил...

Рассвет в горах – необычное зрелище. А на войне, кроме всего, это еще и доказательство, что пока жив. Стольников окинул взглядом бойцов – от них валил пар, как от выбежавших из бани отдыхающих. Но только почему-то отдыхающие были с изможденными лицами, в ватниках и при полной боевой выкладке. А через полчаса солнце спряталось, и Саша снова почувствовал холод.

Задача наполовину была выполнена. Взвод вышел на высоту и закрепился. В штабе не знали, появятся здесь люди Умарова или нет, как не знали, появится ли он еще на трех высотах, которые заняли другие группы. Через три часа по дороге должна была пройти крупная колонна федеральных сил с людьми и боевой техникой. Рисковать после Грозного никто не хотел. Войска стягивались все южнее и южнее, тесня банды к границе. Но в феврале девяносто пятого это были не просто банды, это были группировки, имевшие возможность противостоять регулярным частям Российской армии.

Саша занял высоту. Пулеметчики и снайпер расставлены – он еще ночью провел рекогносцировку, в очередной раз убедившись в том, что карты шестьдесят пятого года, имевшиеся на руках офицеров в то время, и местность, на них обозначенная, имеют мало общего.

Теперь оставалось только ждать. Пройдет колонна, и вечером их снимут. Площадка для посадки «вертушек» идеальная, вертолеты могут садиться даже парами. Можно было и сюда забросить десант, но это все равно что рассказать Умарову о своих планах на ухо. Нечего делать

здесь «вертушкам», мертвое место. Поэтому пришлось отделению, которое прихватил с собой Стольников, почти сутки добираться до высоты своим ходом. А потом была эта ужасная ночь... В такие минуты не лезет в голову ничего, кроме мыслей о горячем, обжигающем душе и жареной на сале картошке...

– Шкирко, посты проверил?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Все в порядке.

После этого короткого диалога прошло две или три минуты.

Бойцы не поняли, в чем дело, а Стольников, сообразивший мгновенно, прокричал:

– В укрытия!..

Свист резко стих, и тишину высоты разорвали первые четыре мины. По позиции Стольникова били из минометов. Пока не прицельно, но он знал: несколько минут, и мины начнут разрываться у него под носом. Ну, одна-то как минимум разорвется...

Он понял, что сержант Шкирко солгал и что посты сняты ножами, когда из-за огромного, похожего на коренной зуб великана-камня ударил миномет. И сразу грохнули три или четыре гранатомета.

В это мгновение Стольников осознал ясно: группа будет уничтожена в считанные минуты. Он вывел людей на высоту, которую за несколько часов до его прихода чехи укрепили для атаки на колонну. Бандиты не успели даже позавтракать и ширнуться – когда Саша привел своих людей, на высоте не было ни пустой консервной банки, ни единого шприца, ни единого клочка бинта. Значит, отойдя и находясь в сотне метров от позиции, чехи спокойно наблюдали, как Стольников выставляет посты, как его люди едят тушенку с ножей, как забираются в спальные мешки...

Ужас объял старшего лейтенанта. Те шесть или семь часов, что он был на высоте, боевики находились рядом и обдумывали, когда начать резать русских!

И момент был подобран – лучше не придумаешь. Заспанные, не отдохнувшие за ночь бойцы, расслабляющий рассвет с теплым солнцем, минута, когда хочется развести костер и поесть горячего... Все мысли только о еде и тепле. Они не стали атаковать отделение ночью по одной только причине – боевикам не было известно, отдельное это русское подразделение или часть более крупного, расположившегося по всей высоте. Теперь же, когда стало ясно, что это всего лишь пятнадцать человек, боевики ударили. Атаку на колонну никто не отменял, поэтому до ее появления нужно было задавить русских и, уже ничего не опасаясь, расположиться с удобствами...

Стольников видел, как одной из гранат была разбита радиостанция и как, держась за культю оторванной ноги и крича, сползал вниз радист. Он видел, как горящий, с оплавленным лицом, дико голая, мчался по склону прикомандированный к группе авианаводчик. Саша вскоре потерял его из виду, потому что рядом взбугрилась земля и осколочная граната из РПГ оглушила его разрывом. Боль в ноге ударила током до самой шеи. Рухнув, Стольников смотрел, как умирает его группа. Оглушенный, он увидел, как в скале над его головой, на высоте человеческого роста, разрывается еще одна граната. Осколки, хлынув сверху, накрыли его, и свет померк...

Саша хотел открыть глаза, но не смог. И когда через силу разлепил веки, его глазницы были полны крови. Она ручьями хлынула на лицо, прибывая из раны на голове.

– Шкирко!.. – прокричал Стольников.

Он должен был сообщить о нападении в штаб, но радиостанции не было. Ее осколки валялись по всей позиции. Вокруг свистели пули так интенсивно, что страшно было поднимать голову. Но все-таки Стольников, перевернувшись и проверяя, может ли двигаться, прокричал еще раз:

– Шкирко!..

Сержант не мог слышать. Прошитый пулями, он уже давно лежал на дне неглубокого окопа.

– Твою мать!.. – прохрипел старлей и выдернул из кобуры на бедре «стечкин». – Занять оборону!.. Огонь!..

Стерев кое-как кровь, он поднял голову, осмотрел позицию, и на глаза ему попался Смелков. Боец был уже ранен и уползал в кусты, волоча за собой раздробленную ногу. На лице его застыло выражение отчаяния и ужаса.

– Смелков! – позвал Стольников. – Смелков! Посмотри на меня, солдат!..

Боец поднял голову и впился в командира пустым взглядом.

Это были еще не те бойцы, с которыми он заканчивал последний год последнего тысячелетия... Это были «срочники», видевшие раньше кровь только из разрезанных кухонными ножами пальцев. Хлебнувших лиха бойцов, бравших Грозный, во взводе Стольникова было слишком мало.

– Смелков, ракету! Пусти ракету, солдат! Красную! Ты слышишь меня?!

Жилет Саша был сорван осколками. Ракеты и карманы с магазинами отлетели в сторону, и теперь живот жгло от ссадин. Жилет спас ему жизнь, но заряжать оружие и дать хоть какой-то сигнал своим было невозможно. Ракеты были у Смелкова – первого же попавшегося ему на глаза бойца, но тот, не спуская со старшего лейтенанта пустого взгляда, продолжал ползти в кусты, держа ногу рукой. Его автомат валялся в десятке метров от него...

Вскочив, Стольников в два прыжка добрался до солдата, рванул на его жилете лямки и выдернул ракету. Бессмысленный крик Смелкова: «Не надо, не надо!..» – прошел мимо его ушей. Боец терял рассудок. Открутив крышку, Саша направил ракету в небо и дернул шнур. Шипя и огрызаясь, красный джинн ушел в небо.

И в это мгновение что-то липкое и горячее ударило в его и без того запачканное лицо. Голова Смелкова разлетелась, на ее месте теперь торчал огрызок шеи, и из него мощным фонтаном била кровь. Стольников выдернул из жилета агонизирующего бойца еще одну ракету и снова запустил.

Только теперь он обратил внимание на высокую плотность огня. Его люди сидели по два-три человека, метрах в двадцати друг от друга. Все залегли в приготовленные ночью окопы. Хотя это не окопы были, конечно, а окопчики. Какой смысл рыть полнопрофильные инженерные сооружения для подразделения, которое просто заняло высоту на несколько суток?..

Вероятно, как только началась стрельба, бойцы разбежались. Лежать остались около пяти человек. Их накрыло огнем в первую очередь.

– «Вертушки» идут! – прокричал Саша, не веря в то, что говорит. – Держаться!

Он знал: никаких «вертушек» нет и скорее всего не будет. Вряд ли кто-то увидел те ракеты – не до них. Если кому-то и придет в голову проверить высоту, на которой должна была закрепиться группа Стольникова, то через пару дней это сделают, не раньше. А сейчас не до пропавших отделений. Идет колонна, цена которой – ситуация на юге Чечни...

Двое лежали в спальных мешках, они так и не успели из них выбраться. Было хорошо видно, как пули то и дело попадают и попадают в них, выбивая кровавые комья ваты...

Сколько времени прошло с той минуты, как он услышал свист летящих мин? Две? Три? Он поднял автомат и перекатился. Стрелять было невозможно – кровь заливала лицо, мешая вести прицельный огонь. В отчаянии и злобе Стольников перекатился на спину, направил в сторону заснеженных валунов автомат и расстрелял магазин одной очередью. Когда патроны закончились, бросил автомат и схватил «АКС» Смелкова.

Пока залегал, пригнул голову, обратил вдруг внимание, что с позиции огонь ведется только с двух точек. Работал пулемет Ярцева и автомат Головина. Почему молчат остальные?!

– Русский ванька, сдавайся!.. – донесся до него возглас. Вместе с этим криком Саша сообразил, что боевики прекратили огонь.

– Русский ванька, сдавайся! Жить будешь!

– На тебе, сука!.. – прокричал Головин, швыряя гранату.

Саша смахнул рукой кровь с лица и за то мгновение, пока новая волна не залила глаза, успел заметить, что вслед за Головиным бросил гранату и Ярцев.

Взрывы раздались почти одновременно. Схватив автомат, Саша прижал предплечье левой руки ко лбу. Ватник сдержал кровь, и старший лейтенант смог сделать две очереди от бедра.

А у Ярцева снесло крышу от бешенства. Предложение сдаться в плен довело его до иступления. Вскочив в полный рост, он поднял ПК и стал разряжать коробку пулемета, не жалея патронов.

– Суки!.. – кричал он. – Бешеные твари!..

– Ложись!.. – остервенело заорал Стольников, и в этот момент ватник Ярцева покрылся клочками ваты. Пулемет выпал у него из рук, сам боец рухнул замертво на спину.

– Головин, живой? – позвал Саша.

– Живой... – отозвался тот. – Только ранен...

– Я тоже.

– Что будем делать, командир?..

– Умирать, – произнес Стольников и ужаснулся своим словам. – Как положено...

– Я тоже так думаю. Вы ходить можете?

– Я могу встать, Головин. Ты как, готов?

– Готов, товарищ старший лейтенант. Только просьба одна...

– Говори, – морщась от боли и подбирая под себя раненую ногу, чтобы подняться, разрешил Стольников.

– У меня в части, под подушкой, письмо. Ну, подружке... Вы отправьте, ладно? А потом черкните ей пару строк?.. Мол, так и так... погиб героем... А?

– Дерьмо вопрос, – отозвался Стольников. – Сделаем. Вместе с тобой.

Они встали одновременно.

– Ура!.. – дико закричал Головин, бросившись вперед...

Саша расслышал только две очереди из нескольких десятков. Первая перерубила Головина почти пополам, а вторая прошла ему плечо, ногу и руку. Старший лейтенант и солдат упали одновременно...

Если бы Стольников потерял сознание, его добились бы, как всех. Он лежал и чувствовал, как немеют руки и ноги. В падении его голова повернулась набок, и теперь кровь заливала лоб и висок, а затем падала на утоптаный розовый снег. Он лежал, смотрел, как чехи собирают оружие его бойцов, и думал: «Я умер или нет?» Свое дыхание он не чувствовал. Удары сердца не ощущал. «Скорее всего я умер», – подумал Саша. Он где-то вычитал, что последним умирает в человеке мозг, если он не поражен в первую очередь. Человек все видит, слышит, способен понимать, но ничего не чувствует – ни боли, ни стыда, ни отчаяния.

Он увидел перед своим лицом высокие шнурованные ботинки коричневого цвета. В таких солдаты НАТО воюют в Ираке. Потом увидел покрытую густыми волосами руку и заметил, как дернулось его тело. Кто-то вынул из его кобуры «стечкин» и радостно закричал на чеченском. Было хорошо понятно только одно слово: «стечкин».

А потом на лицо Саши опустилась нога. Он не чувствовал боли и не мог закрыть глаз. Он находился в анабиозе. Размазав подошвой кровь на лице русского, чеченец отошел. Он решил, что русский русоволосый богатырь убит. И вдруг Стольникову пришла в голову мысль, что он не умер. Он просто похож своим видом на «груз 200».

Вскоре все затихло, и несколько минут Саша не слышал ни звука. Лишь где-то в деревьях пересвистывались птицы. Но вскоре высота снова пришла в движение, и чехи стали добивать раненых. Стольников слышал выстрелы, хрипы, храп, вскрики и смех.

И снова появились эти коричневые ботинки. Саша видел, как перед ним упала его левая рука. Чех снял часы, рассмотрел, не увидел в них ничего замечательного и бросил. И тут Саша почувствовал боль в ухе и с удивлением обнаружил, что его голова оторвалась от земли.

«Будет ухо резать», – понял старлей. Ему вдруг стало страшно. Не от происходящего, а что ему будут резать ухо. Как собаке. Но чех рванул на его шее воротник, убедился, что нет цепочки, и отпустил ухо. Голова упала, и кровь снова стала заливать глаза.

Над головой раздался знакомый звук затвора «стечкина». Саша много думал о смерти, но он никогда не обдумывал сценарий, который предполагал бы его убийство из его же собственного оружия. Бандит прокричал что-то и нажал на спусковой крючок. За спиной Стольников послышался стон. Головин...

Выстрел, выстрел, выстрел. «Сейчас моя очередь», – понял Саша. Но вместо выстрела чех, проходя мимо, ударил его ногой в лицо.

Стольников пришел в себя в вертолете. Он лежал на полу, и над ним болтался пузатый и прозрачный капроновый пакет с физраствором... «Стольников!.. Стольников!..» – беспрестанно произносил кто-то...

– Стольников!

– Да-да, я слушаю вас, – отозвался Саша.

– Вы сказали, что в тот день, в феврале девяносто пятого, была отвратительная погода. Был дождь, потом повалил снег. С собой у вас были спальные мешки, и к утру они все стали насквозь промокшие.

– Да... Так и было...

– Ну и что случилось дальше?

– Ничего.

– Тогда с чем же был связан самый большой страх в вашей жизни? – спросил пожилой и поправил очки.

– Мне стало страшно, что мы простынем, а «вертушки» за нами придут только через сутки.

– Вы боялись простыть? – повторил молодой.

– Страшно, – подтвердил Саша. – Только кашля на той высоте нам не хватало. У вас еще есть вопросы?

– Да, но мы отложим разговор на завтра, хорошо? Вы напряжены. Нет?

– С чего вы взяли, что я напряжен?

– Я в психиатрии двадцать лет, молодой человек.

– Да, мать вашу, я напряжен! – рявкнул Стольников. – И я устал объяснять почему! И что там с вашим человеком, который боялся лосьона для бритья?

– Он умер.

– Это все?

– Да.

– Какая короткая история, – похвалил капитан.

– Не короче вашей, – заметил пожилой и посмотрел на коллегу. Они стали собираться. – Вы здоровы, Стольников. В этом нет никаких сомнений.

– Так донесите поскорее эту радостную новость до ФСБ и командира моей части!

– Мы не работаем на командира вашей части, – уже в дверях ответил молодой.

– Меня устроит и доклад ФСБ!

Они вышли.

С тех пор прошли почти сутки. Сидя на кровати, Стольников упрямо смотрел на стену перед собой. Проснувшись затемно, он умылся, аккуратно повесил полотенце на спинку кро-



вати и больше уже не вставал. Солнце стояло в зените. Но его никто не тревожил. И не отпускал. Новость врачей не впечатлила ни сотрудников ФСБ, ни командование его части.

– Они потеряют навигатор, – прошептали губы Стольников. – Они его потеряют или приведут в негодность. И тогда – конец.

Он поднялся. Подошел к окну и оценил перспективу. Напротив окна – пост дневального. Доложит сразу. Развернувшись, Стольников приблизился к двери и вышел в коридор. Пройдя несколько шагов, открыл дверь туалета и повернул голову. У входа в госпиталь стоял табурет, на нем сидел человек в камуфляже без знаков различия. Камуфляж как только что из вещевого склада. Понятно. А на крыльце курит второй. Итого – двое.

Вымыв руки, Саша вернулся в палату и намотал на руку обрывок половой тряпки, найденной в туалете. Еще минуту постоял посреди комнаты, закрыв глаза и бормоча что-то под нос, а потом резко вышел в коридор...

## 4

Группа Пловцова атаковала здание у южной стены города. По белеющим в окнах узким лентам материи, развешенным для просушки, в этом доме без труда угадывалась больница. Соппротивление нескольких мужчин они подавили без труда, и, оставив Крикунова на входе, штурман первым ворвался на второй этаж. Несколько комнат-палат, и в самой дальней он обнаружил перемотанного тряпками Маслова. Боец дышал спокойно, его лицо наконец-то приобрело розовый цвет. Но продолжал оставаться тяжелораненым. Маслов, как и прежде, находился без сознания, и перемещать его было опасно. Пловцов помнил, в каком виде его унесли для лечения – черные круги под глазами, белые губы, – еще пара часов, и боец впал бы в кому, из которой вряд ли бы вышел. Сейчас ему было значительно лучше, но не настолько хорошо, чтобы транспортировать.

– Его нельзя трогать, – пробормотала старуха, сидящая рядом с ним. Появление вооруженных людей она встретила со спокойствием пожилого человека, которому не страшно прощаться с жизнью. – Вы убьете его.

– А ну-ка, бабушка, – ласково, как смог, заговорил Айдаров, – пойдем с нами. А где доктор?

После недолгих поисков нашелся притаившийся в нише доктор. Прихватили и его вместе с какими-то самодельными препаратами. Порошки, букеты засушенных трав, связки бывших в употреблении, но чистых бинтов снайпер сгрузил в самодельные наволочки и закинул на спину лекарю – пожилому худощавому мужчине с редкой бородой.

Из больницы выходили озираясь. Крикунов и Айдаров несли Маслова, оставшиеся держали оружие наготове и оглядывали улицы и крыши домов. После отхода гвардии Трофима подранки расползлись по всему городу и теперь имели возможность напасть неожиданно. Город был не знаком разведчикам, они видели его только с той стороны, где находились главные ворота.

Между тем группа Жулина окружила самый высокий дом в городе.

– Трофим! – крикнул прапорщик, и эхо понесло его слова вверх по широким лестничным пролетам. – Я знаю, что тебе не жаль своих людей, но все-таки подумай! Больше никаких переговоров!.. Открываю огонь на поражение, кто бы это ни был, ты понял?!

Защитники дома теснились на верхних этажах, это было ясно, но никто из них не проронил ни звука.

– У них есть буры, винтовки и пара автоматов, – увещевал напоследок Жулин. – Много пистолетов, и у всех ножи. В контакт не входить, валить сразу. Все ясно? – передернув затвор, он стал подниматься, двигаясь вокруг себя.

Первая встреча с вооруженными горожанами произошла на втором этаже. Явно не владея техникой боя в городских условиях, трое первых мужчин бросились по лестнице вниз. Они успели сделать по выстрелу. Грохот трех автоматных очередей уложил их на месте. Глядя, как один из трупов свалился ему под ноги, Жулин покачал головой.

– Трофим! Я повешу тебя на городской площади!

А потом пришлось туго. Не успела группа подняться на этаж и закрепиться, как с третьего этажа и из коридоров второго на разведчиков хлынула лава вооруженных людей.

Прижавшись к стенам, разведчики открыли огонь. Гильзы цокали по камню пола, стены крошились от пуль, в воздухе повисли гарь и известковая взвесь. Защитники дома открыли огонь из своего оружия, и вскоре в доме стало нечем дышать. В окнах не было стекол, но сквозняк не успевал выносить пороховые газы на улицу.

Тела валились на пол и друг на друга, остервенелые вопли и призывы резать разведчиков доносились отовсюду, и Жулина впервые за годы войны объял ужас. Он защищал свою жизнь

и жизнь друзей, но это все больше походило на массовое убийство. Он пытался отмахнуться от мысли, что стреляет в русских потому, что эти люди хотят убить его и превратить в рабов его друзей, но у него не получалось.

– Олег! – вскричал Ключников. – Если мы надавим, они сломаются!..

Жулин перезарядил оружие. Он видел залитые кровью, еще недавно выбеленные коридоры дома, каменный пол, на котором корчились раненые и живые, пытающиеся выбраться из-под трупов.

– Олег! Что ты молчишь?! Мы все ранены!

Жулин наконец-то пришел в себя и посмотрел на Ключникова, будто видел его впервые.

– Очнись! Мы все в крови, и нам нужно или уйти, или дожать!..

Жулин опустил взгляд и осмотрел группу, расположившуюся ниже него по лестничному пролету. На лицах разведчиков была кровь. Ермолович уже перевязывал Мамаева, которому досталось больше всех – пуля прошила подмышку, задев и руку, и мышцу спины.

– Да будет так! – взревел прапорщик. – Ермолович, Лоскутов – на второй этаж!.. Остальные за мной!

Подняв автомат вертикально, он нажал на спусковой крючок и бросился вверх по лестнице. То же самое сделал Ключников. Не глядя, они стреляли по засевшим наверху людям Трофима, но эти очереди были скорее прикрытием для продвижения вперед, чем рассчитанные на поражение. Обстреляв потолок и никого даже не ранив, Жулин и половина его группы ворвались на третий этаж.

Их встретил недружный залп, и прапорщик, нырнув за угол и уводя за собой Ключникова, успел подумать о том, как по-разному звучали выстрелы. От грохота до тонкого кашля. Люди Трофима использовали то оружие, что удавалось добыть за долгие годы существования города. «Нет ли здесь ружей, которыми были вооружены их предки?» – пронеслось в голове Жулина.

– Люди! – крикнул он, когда стрельба поредела. Дав своим знак прекратить огонь, прапорщик выглянул из-за угла. – Вы слышите меня?

– Что ты хотел? – донеслось из коридора.

– Мы убиваем вас, чтобы спасти свои жизни. За что умираете вы? Ответьте!

– За свободу! – донеслось до разведчиков.

– Дурак!.. – вырвалось у Жулина. – Вы приняли нас как гостей, и мы всеми силами пытались им соответствовать! До тех пор, пока Трофим, ваш атаман, не приказал убить меня и старшего лейтенанта, а бойцов связать! Мы просто защищаемся!

– Ничего себе расклад!.. – ошеломленно пробормотал Ермолович, который только сейчас понял, что явилось причиной схватки.

– Ты лжешь, чужак! – донесся возглас с третьего этажа.

– Я не лгу, – ответил Жулин. И, вытирая бегущую к подбородку каплю пота, посмотрел на Ермоловича. – Когда Трофим велел Николаю убить меня и летчика, боец Ермолович за углом писал на стену дома и все слышал...

– Товарищ прапорщик, я не собака, – тихо и обиженно заговорил Ермолович. – Я не писаю где попало.

– Это ложь! – проговорили из укрытия.

– Что ложь? – заволновался Ермолович.

– Да заткнись ты! – рассердился Лоскутов.

– А вы атамана спросите, ложь это или нет! – посоветовал Жулин. – Только в глаза ему смотрите, когда спрашивать будете!

В конце коридора третьего этажа зазвучали тихие голоса. Видимо, началось совещание. И он обмяк, когда услышал знакомый голос:

– Прапорщик, ты слышишь меня?

Это был голос семидесятилетнего старца, назвавшегося Жулиным, потомком унтера Жулина. Олег в тот вечер, когда открылось немыслимое, был ошарашен, но Баскаков убедил его в том, что он, Жулин, и этот Жулин не имеют ничего общего.

– Слышу, дед!

– Я потомок Георгия Жулина! Мы с тобой одной крови! Как ты можешь стрелять в меня?

– Как ты оказался здесь, дед? – спросил Олег, прижимаясь к стене. – Неужели и тебя, пенсионера, уговорили меня резать? И ты еще спрашиваешь, почему я в тебя стреляю?

– Ты принял в наследство от нас будущее, Жулин! – раздался голос старика. – Так опомнись и сложи оружие! Хватит и тех наших братьев, что ты убил!

– Я не взял у вас будущее в наследство, дед, – устало проговорил Олег. – Я взял будущее займы у своих потомков. Плохо, что ты не понимаешь разницы в этом. Я даю вам минуту, чтобы сдать...!

Разговор остался неоконченным, все чувствовали это – и свои, и чужие. И поэтому ждали. Свои – пока Олег откроет глаза, чужие – пока прапорщик договорит.

– Или вы все умрете.

Сколько уже раз звучали эти слова здесь и все время искренне.

– Минута заканчивается, старик, – добавил Жулин.

– Товарищ прапорщик, Трофима здесь нет, – сказал Ермолович.

– Я это уже понял, Ермола. Если бы он был здесь, мы бы уже давно стреляли в упор по всему, что движется...

– Мы выходим! – донесся возглас из самой большой комнаты этажа. Говорил старик, и это было, судя по всему, общее решение.

– Выходите по одному. Оружие складывать в коридоре, – велел Жулин. – После этого, так же не спеша, заходим в пустую комнату напротив.

– Вы будете стрелять? – спросил кто-то.

– Нет, дурак, – ответил Олег.

Через пятнадцать минут тридцать четыре мужчины от двадцати до шестидесяти лет переместились из всех помещений третьего этажа в одну большую комнату, служившую здесь, видимо, актовым залом. В коридоре осталось лежать около десятка ружей, несколько пистолетов, самодельные патронташи и десяток ножей.

Ермолович и Лоскутов ногами затолкали арсенал в комнату и приказали пленным положить руки на голову и сесть на пол.

– Мамаев! – Олег оглянулся в поисках радиста. – Заберись-ка на крышу и посмотри, где дым идет. Я хочу знать, где наши.

Через минуту с чердака дома раздался голос:

– Наши идут по улице в двух кварталах отсюда! Несут Маслова и ведут какую-то бабу и деда!

– Отсемафорь-ка им!

Мамаев вынул из кармана жилета зеленую ракету и дернул за шнур. Треща, ракета ушла в небо.

– Они идут к нам!

Встав на колени и взяв автомат на изготовку, он оценил обстановку вокруг спешащих к зданию администрации разведчиков. И как только в окне одного из домов показалась голова, тут же выстрелил. Пуля раздробила камень подоконника, выбила пыль песочной штукатурки и с гулом ушла в небо. В окнах домов появились испуганные лица мужчин и женщин и тут же исчезли. Видимо, для профилактической беседы с населением хватило одного выстрела.

Помогая Пловцову и Ключникову занести раненого и разместить в комнате лекаря, Жулин приказал части группы проверить вооружение.

Ситуация в городе менялась, но власть по-прежнему оставалась в руках атамана. Пока Трофим и Николай не задержаны, разведчики находились в опасности. «Вчетвером против всех», – подумал Олег, искоса наблюдая за приготовлением группы.

– Я устанавливаю ПК на чердаке, – заверил Пловцов. – Там же оборудую место для подствольника. Какое-никакое, а прикрытие...

Жулин кивнул. Он понимал, что пулемет и гранатометчик окажутся кстати, если группа будет действовать в зоне обстрела с чердака. Но как только разведчики углубятся в южные кварталы, помощи ждать будет неоткуда.

– Олег, давай я пойду, а ты прикроешь?

– Мы договорились однажды, – напомнил прапорщик. – Я рулю, а ты просто делаешь свою работу. Зачем все переиначивать? Да и прикрывать, скажу я, тяжелее, чем находиться под прикрытием...

– Разве?

– Скоро поймешь, – усмехнулся Олег и приказал группе выходить.

Где Стольников? – вот вопрос, который все чаще и чаще задавали себе все, не произнося его вслух. Никто не хотел выглядеть уставшим больше всех. Не задавал себе этот вопрос только Маслов, который по-прежнему находился без сознания...

## 5

С тряпкой, намотанной на руку, Саша вышел в коридор.

«Я буду сидеть здесь сутки, двое, неделю, до тех пор сидеть буду, пока Костычев и Мякишев не примут какое-то решение, – думал он, с солнечной улыбкой приближаясь к напрягшимся охранникам у входа. – Они не считают меня сумасшедшим, нет. Они считают меня предателем».

– Закурить не найдется, братишка? – весело спросил он у стоящего на входе.

– Не курю, – ответил тот, аккуратно перегораживая капитану дорогу.

«Ты посмотри, какой примерный», – усмехнулся Стольников, резким выходом всаживая кулак ему в челюсть.

Не ожидавший такой прыти от пациента, которого приказано было не выпускать из госпиталя, парень зацепил ногой стул и распластался на полу. В два прыжка преодолев крылечко и тамбур при входе, его приятель отшвырнул этот стул ногой и, уклоняясь от драки, сунул правую руку за пазуху.

– Кто же пистолет на войне под мышкой носит, валет? – бросил капитан, делая шаг назад, чтобы повторить удар.

Но второй раз он бил уже не рукой в голову, а ногой в пах. Отскочив от жертвы атаки, как мячик, капитан ударил в третий раз. Его надзиратель перевернулся через себя и рухнул на спину. На чисто вымытой крашеной стене у тумбочки дневального осталась россыпь мелких капель крови.

На втором следовало успокоиться. Нокаут был глубок и жесток. Саша бросился к первому. Тот, неуверенно скользя ногами по чисто вымытому полу, пытался подняться. Он водил руками в стороны, как вылупившийся птенец крыльями, но не находил опоры. Встав перед ним на одно колено, Стольников посмотрел в дверной проем на улицу – не заметил ли кто этой короткой драки – и хлопнул парня по щеке.

– Кто вы такие?

– Комендантская... рота...

– Да ну? – бросил Стольников, ощупывая грудь жертвы.

Определив, в каком кармане находятся документы, он зацепил карман пальцами и оторвал вместе с книжечкой. Как и следовало предполагать: вместо военного билета сержант, если верить стальным лычкам на погонах, имел удостоверение старшего лейтенанта Федеральной службы безопасности и звался Грозовым.

– Комендантская, говоришь?

Осматривать второго не было необходимости.

– Ответ на пару моих вопросов, старик, – попросил капитан, – и я тебя не трону. Решишь быть героем, я тебя просто вырублю. Чтобы вой не поднял. Сколько вам приказано меня охранять?

– Трое суток, – сплевывая кровь в сторону, выдавил контрразведчик.

– А что произойдет через три дня?

– Я не знаю, как у вас, а у нас за такие вопросы в народное хозяйство переводят.

Стольников согласился. Он слишком много хочет от людей, которые без приказа икать боятся.

– Если я побегу, что вы должны делать?

– Стрелять. Я думал, вопросы сложные будут...

Навигатор в руках людей, ему не доверяющих. В штабе бригады «крот» Алхоева. Худший вариант – это навигатор в руках «крота» Алхоева. Как только прибор окажется у Крова-

вого Магомеда, Стольникову убьют. Отделение погибнет. А Алхоев продолжит какие-то работы.

– Прости, дружище, – пробормотал Саша и расчетливым ударом врезал старшему лейтенанту в квадратный подбородок. Удар получился точным и сильным. Голова старлея запрокинулась, и тело обмякло.

В его распоряжении около трех минут. Столько времени потребуется людям Костычева, чтобы прийти в себя и добраться до ближайшей рации. При них передающих устройств не было, значит, надеются либо на штатных ханкалинских радистов, либо на свои «болтушки», оставленные в «конторе». Их оставили, чтобы не привлекать внимания в госпитале. Нет страннее картины, чем сидящий на крыльце сержант с дорогой рацией.

Что может сделать беглец в Ханкале за три минуты? Добежать до летного поля с кладбищем самолетов. Напроситься в отъезжающий в Грозный «ЗИЛ» в составе колонны. Сесть за руль любого транспортного средства и покинуть территорию Ханкалы. Последний способ Стольникову нравился больше. Вне колонны он проскочил бы Минутку, весь Заводской район и въехал в бригаду. Но это уже не три минуты. Это пятнадцать, двадцать, тридцать минут. При том условии, если его машину не обстреляют из развалин какой-нибудь грозненской «хрущевки». Сколько же блокпостов встретится за эти четверть часа в городе? Пять как минимум. И на каждый уже поступит команда стрелять по Стольникову на поражение. Ладно, получить пулю от чеха... Но от какого-нибудь командированного, бухого в хлам тувинского мента?..

Тряпку с руки он давно скинул, но и без нее Стольников выглядел приметно и наводил на ряд вопросов. Без куртки, в бинтах, рваной майке и с запекшейся на брюках кровью по Ханкале долго не походишь. Не говоря уже о – побегаешь. Весь военный город Ханкала наспигован патрулями, борзыми, сытыми ребятами, никогда в жизни не видевшими ни окопов, ни пальбы в упор. И воспитаны они таким образом, что уважаемые люди для них начинаются с полковников. Все остальные – мусор, подлежащий задержанию и доставке в дежурную часть.

– Товарищ военный! – услышал он за спиной насмешливый голос.

«Ну вот, началось...» – отметил Саша. Не реагируя, он быстрым шагом направился к узлу связи. Главное, успеть связаться с комбригом. Пусть тянут время, пусть выворачиваются как хотят, но не отдают навигатор контрразведчикам! Навигатор – это жизнь для тех, кто остался Там...

– Эй, приятель! – вновь прозвучал голос.

«Быстрее, быстрее, Стольников! Всего-то сотня шагов», – успокаивал себя Саша, понимая между тем, что эта сотня шагов – бесконечность. Сейчас его будут догонять. На мгновение замедлив шаг, он дождался, когда дыхание преследователей послышалось совсем рядом, и побежал.

Не ожидавшие непривычного для гарнизона маневра со стороны перемотанного бинтами военного, преследователи с удовольствием бросились в погоню. На бегу Стольников оглянулся. На него открыли охоту прапор и двое «срочников». Если остановиться, можно всех троих вырубить за полминуты. А что потом? Нет, вырубать их надо не на передней линии...

Узел связи располагался в тесном фанерном домишке. За ним высились, уродуя пейзаж бессмысленной архитектурой, несколько вышек. От этого узла и вышек зависела служба всех частей в Чечне, и охранялся он соответственно своей важности – круглосуточным караулом. Для безопасности узла связи это было хорошо, а для Стольникова смерти подобно. Узнаваемый в лицо в бригаде, на территории аэропорта Северный, он мог появиться в одних трусах перед часовым склада боеприпасов, и часовой не поднял бы на него оружие. Правда, в бригаде Стольникову не было бы необходимости проникать на охраняемые объекты. Но здесь, в Ханкале, его никто не знал, и в своих одеяниях он равновелико был похож и на отбившегося от стаи боевика, и на сумасшедшего. Часовой откроет огонь, не раздумывая, прямо посреди бела дня.

Не желая осложнять себе жизнь проникновением через главную калитку, Стольников заложил вираж и всем своим видом показал, что прорывается в глубь военного городка. Через мгновение он оказался в мертвой зоне. У него оставалось секунд десять, чтобы перемахнуть через защищенный колючей проволокой забор, продолжая оставаться невидимым и для часового у калитки, и для патруля. Раздирая «егозой» плечи и слыша треск брюк, он перелез, упал на землю и закатился под пожарный щит.

– Где он?! – раздался почти над ухом глухой голос – прапорщик потерял из виду беглеца и теперь остановился, чтобы отдышаться.

«Много курите, хорошо питаетесь и мало двигаетесь», – ответил про себя довольный Саша.

– К штабу! – приказал прапорщик. – Пояса смертника на нем никто не видел?

Капитан улыбнулся. Лучше бы прапор молчал на этот счет. Сейчас кто-нибудь из его подчиненных в патруле вспомнит, что видел, и дежурному по части станет известно, что начальник патруля упустил на территории Ханкалы шахида. Вот так люди и губят свою военную карьеру. Подняв облако пыли, прапорщик с бойцами исчез в неизвестном направлении.

Часовой оказался не у дел. Ночью он ходит по периметру, а с рассветом такая необходимость утрачивается. Ни один человек, находящийся в своем уме, не полезет через забор на виду у всех на территорию объекта особой важности.

Выбравшись из-под щита, Стольников подумал, что в чем-то фээсбэшники все-таки правы. В части проникновения на охраняемые караулом учреждения он явно не в списке людей в здравом рассудке.

Выждав, пока часовой отлипнет наконец от «грибка» и зайдет в тень, он вдоль стены прокрался ко входу и вошел в дверь. Небольшой «предбанник» и теперь две двери. Одна ведет непосредственно к связистам, вторая – в подсобное помещение. Склад аппаратуры скорее всего. Слава богу, в армии все подписывается. Даже там, где не нужно. И на правой двери висела большая красная с золотым тиснением табличка: «Связь». Для кого это написано? Для связистов, которые здесь проводят времени больше, чем во сне? Или для остальных, от кого эта самая «связь» охраняется караулом? На двери комнаты напротив значилось: «Комната № 2». Логично. Если справа – связь, то это, разумеется, комната номер два.

Двери заперты. Так положено. В бригаде связисты тоже запираются. Это дает им возможность свободно курить и спать в неустановленное время.

Саша напрягся и обрушил на дверь всю тяжесть своего тела. Дверь сухо треснула и отлетела в сторону. Путь вперед был свободен...

Свободен, если не брать во внимание тридцатилетнего не знакомого разведчику мужика. В камуфляже с эмблемами связиста в петлицах, с повязкой «Дежурный» на рукаве, он, изумленный почти до состояния шока, стоял у скопища аппаратуры и хватал наугад лежащий на столе автомат.

– Тихо, тихо, родной... – протянул к нему руку Стольников. – Не стреляй в дядю. Дядя свой.

Увидев, что его слова дошли до сознания связиста, он на мгновение расслабился и потерял концентрацию. «Кажется, – подумал Стольников, – контакт налаживается».

Однако уже в следующее мгновение пришлось закрывать голову от приклада. Магазин к автомату присоединен не был. По какой причине – неизвестно. Вероятно, связист рассуждал так: если меня охраняет караул, тогда зачем заряжать оружие. Но в этой связи не было понятно, зачем он тогда вообще принес на узел связи автомат. Впрочем, в Ханкале никто и ничего не делает по собственной инициативе. Ему сказали – быть в наушниках и с автоматом, он и пришел с автоматом. И теперь, распознав в Стольникове угрозу жизнедеятельности группировке войск, пытался забить крапового берета Стольникова стволом, как муху. Капитан даже разве-



селился. Тщедушный малый с украинскими усами и узловатыми пальцами махал перед его носом разряженным «калашниковым» и дико вращал глазами.

– Что ж ты делаешь, варвар? – пробормотал Стольников, увертываясь от автомата. – По живому-то человеку – да ружьем! Разве можно?

Улучив момент, он подсел, а когда выпрямлялся, ударил парня в голову. Тот покачнулся и «поплыл». И в тот момент, когда Стольников, опустив руки, стал к нему подходить, он сделал то, чего никак нельзя было ожидать от человека в состоянии нокдауна. Выждав, когда капитан пойдет к нему максимально близко, он ударил его ногой в колено и добавил сверху по появившемуся перед собой затылку. После этого молниеносно, как обезьяна, бросился в угол и встал в стойку.

– Теряю квалификацию... – пробормотал с досадой Стольников, выпрямляясь и потирая затылок. – Ты вот что, отмороженный. Соедини-ка меня с комбригом сорок шестой бригады. Только быстро.

Комбриг 46-й отдельной бригады оперативного назначения Зубов находился у себя. Сидел за столом над картой, перед ним стояли начальник штаба полковник Удальцов и майор ФСБ Костычев. Можно было предложить им сесть, но Зубов был не в духе. За последние дни пропало разведотделение во главе с капитаном Стольниковым, чуть позже пропал начальник разведки Пушкин, отправившийся на выручку первому. И теперь в бригаде живут фээсбэшники. Полновластный хозяин своей территории, Зубов не любил приезжих, кто бы они ни были. Не любил проверки из Москвы, приездов командующего внутренними войсками. Прокуратуру не любил и не любил ФСБ. Хотя гостеприимным хозяином был всегда, и никто не мог заподозрить в командире самой боевой в Чечне бригады человека, который мог навалить кренделей в офицерской палатке какому-нибудь расслабившемуся майору.

Теперь все выглядело еще хуже, чем было. Если раньше приезжали и делали строгий вид, то теперь в бригаде прописалась контрразведка, и на самом деле стало строго. Стольников обнаружился, слава богу, но, по докладам той же контрразведки, капитан немного изменился не в лучшую сторону. Не выдержал напряжения и свихнулся. Верилось в это с трудом, но при обнаружении офицера у него был найден навигатор. Теперь этот навигатор у начальника штаба, а Стольников, если верить начальнику штаба, утверждает, что прибор – путь к спасению отделения разведки. Тому самому отделению, что исчезло. Все бы ничего, да вот беда – Стольников доказывает, что есть Другая Чечня. Он так и называет ее – Другая Чечня. Незведанная, странная, с не менее странным народом, ее населяющим, но все тем же Магомедом Алхоевым, который имеет способности появляться то там, то здесь. И что теперь Зубову делать? Поднимать себя на смех в кабинете главкома?

– Товарищ генерал-майор, – в третий уже раз заговорил Костычев, – мы должны забрать этот прибор. Мы с вами близки, но вы не оставляете мне выбора. Я буду вынужден связаться с Москвой. Если Стольников не сошел с ума, значит, он враг. Вы не раздумывали над этим? Если он не спятил, значит, навигатор ему нужен для каких-то целей. Возможно, в его программу заложено целеуказание на какой-нибудь стратегически важный объект. Маршруты к нему, подступы. Возможно, посредством этого прибора боевики находят приготовленное для них оружие. Вспомните: что говорил Пушкин?

– А что говорил Пушкин? – отозвался комбриг.

– Вы знаете что, но я напому, – скрывая раздражение, сказал Костычев. – Причиной десантирования отделения Стольникова стало перемещение неизвестных под Ведено. Нельзя исключать версию подготовки склада оружия и боеприпасов. И Стольников – активный член банды.

Зубов оттолкнул от себя карту и поднялся.

– Костычев, вы уж там, у себя, определитесь насчет Стольников. Он может быть или врагом, или сумасшедшим. Чехи дураков в банду не берут.

– Я не сказал, что он дурак. Медики утверждают, что он способен аналитически мыслить, но с их же слов шизофреники ведут себя похожим образом. Необходимо тщательное, длительное наблюдение! По этой причине я прошу вас передать Стольникову и навигатору мне.

– Не понял, Костычев, это вы лично будете обследовать больного Стольникову?

– Ну, конечно же, наши врачи.

– А ваши врачи хотя бы одного признали здоровым?

– Товарищ генерал-майор, мы теряем драгоценное время!

В дверь постучали.

– Войдите! – рявкнул покрасневший от раздражения Зубов.

– Товарищ генерал-майор, Ханкала на проводе!

Генерал бросил на стол карандаш, широким шагом покинул свою канцелярию и вошел в соседнюю комнату, плотно притворив дверь.

– Повторяю, товарищ полковник, – обратился Костычев теперь уже к начальнику штаба, – где ваш заместитель Есников?

– Повторяю, товарищ майор, – ответил Удальцов. – Он во Владикавказе.

– И он не сообщил вам, где находится навигатор?

– Сообщил. С ним.

– А что навигатор делает с ним во Владикавказе?

– Послушайте, Костычев, это что, ваш личный навигатор?

– Вы будете отвечать за все, полковник. И комбриг ваш тоже. Я обещаю. Все в салочки играете, мать вашу...

– Ты мою мать не трогай, привыкли там, в Ханкале, героев из себя корчить! Ты в тылу жопу паришь, пока Стольников жизнью рискует каждый день!

– Отзовите Есникова, – то ли попросил, то ли потребовал Костычев. – И пусть навигатор будет с ним, хорошо? Я сутки потерплю. Но когда они закончатся, сюда приедет комиссия из Москвы.

Удальцов покрутил мощной шеей и отвечать не стал.

Его заместитель подполковник Есников сидел в палатке комбата первого батальона и пил чай. Как только Зубову доложили о прибытии Костычева, комбриг велел убрать заместителя Удальцова с глаз долой и придумать причину, по которой Удальцов не может тотчас вызвать Есникова.

В соседней комнате Зубов прислонил наушник к виску.

– Сто тридцатый на линии!

– Я – Третий!

Зубов машинально оглянулся, чтобы убедиться в том, что дверь закрыта.

– Ты где?

– Не в палате.

– Замри. Я сейчас за тобой борт пришлю!

– Нет, это будет заметно. Я сам доберусь, Сто тридцатый.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.